

М. Сергеенко

ТРИ ВЕРСИИ В ПЛУТАРХОВОЙ БИОГРАФИИ ТИБЕРИЯ ГРАКХА

Плутарх в своей биографии Тиберия Гракха использует дружественную для Гракха традицию — это совершенно ясно. Дружественная традиция эта представляется, однако, отнюдь не единой, — обстоятельство, исследователями доселе не отмеченное. В ней совершенно отчетливо можно проследить два направления, по существу друг друга исключаящих. Одно обращалось к друзьям, перед которыми Тиберий и его дело не нуждались в защите. Другим этим, однако, можно было открыть глаза на поведение оптиматов, им можно было объяснить, что прикрывалось обвинениями, возводимыми на Тиберия, можно было прояснить и обострить их классовое сознание и тем самым организовать к сплоченной и сознательной борьбе. Иными словами, эта дружественная версия — назовем ее версией А — имела цели чисто агитационные и занималась не столько защитой Тиберия, сколько атакой на его врагов. Следы этой версии, вызванной к жизни потребностями минуты и создававшейся в пылу борьбы, изо дня в день, на форуме, в речах, обращенных к народу, на обдуманых страницах апологий Тиберия, уцелели в речах Гая, в замечаниях у Аппиана, в многочисленных фразах у Плутарха. В умелых руках это было оружие страшное. Сохранившийся отрывок из речи Гая: *pessumi fratrem meum optimum interfecerunt* (смелый сдвиг принятой терминологии: те, кто носит почти официальное название «самых лучших» — *optimi* — фактически оказываются «самыми дурными» — *pessumi*; в самом деле, какого еще имени заслуживают убийцы?) — позволяет угадать, что делалось в этом направлении. У Плутарха мы найдем — и не однажды — чрезвычайно суровую характеристику оптиматов: это настоящие злодеи, для которых не существует никаких принципиальных соображений, а есть только вопросы материального порядка. Богатые и имущие ненавидят закон Тиберия вследствие своего корыстолюбия, а самого законодателя по злобе и злобности (*οἱ δὲ πλοῦστοι καὶ κτηματικοὶ πλεονεξία μὲν τὸν νόμον, ὀργή δὲ καὶ φιλονεικία τὸν νομοθέτην, δι' ἑχθροῦς ἔχοντες* — IX). «Они тайком злоумыслили против Тиберия и подговаривали убийц» (*... ἐπιβόλησον δὲ τῷ Τιβερίῳ κρυφα καὶ συνίστασαν ἐπ' αὐτὸν τοὺς ἀναρχήσαντας* — X). Насика так ненавидит Гракха потому, что «он приобрел много государственной земли, и ему тяжело было, что его заставляло сойти с нее» (XIII). На Октавия брошена тень подозрением в том, что противостоят Тиберию его заставляют своскорыстные побуждения: он тоже оказывается обладателем большого количества государственной земли, а в конце кон-

цов он, в качестве самостоятельной величины, совершенно исчезает: как злая сила стоят за ним оптиматы, превратившие его в безвольную и бездушную пешку.

Версия А совершенно ясна по своему замыслу. Гораздо сложнее другая — назовем ее версией В, — тоже дружественная, но ставящая себе иные цели: не агитацию против оптиматов, а защиту Тиберия — и обращающаяся к совсем другим людям, другого класса и других настроений. Эта версия была примиряющей и примиренческой: она исходила от людей, которые не могли и не хотели вырывать пропасти между Тиберием и сенатской партией, хотя бы в лице ее умеренного крыла. Больше того, этим людям мерещилось какое-то соглашение между деятельностью Тиберия и установками сената, и они трудились над созданием моста, который соединит враждующие стороны. Авторы этой версии были мечтателями, совершенно не отдающими себе отчета в реальной ситуации, и политика интересовала их, видимо, только как материал для реабилитации Тиберия. Они были у себя дома не на форуме, а в этике и философии (в версии этой сразу бросается в глаза внимание и интерес к проблемам чисто этическим), они не в силах были порвать с существующим порядком, и они любили Тиберия. Кроме того, они были близки к нему и его семье. В их распоряжении был богатый материал чисто биографических сведений, и они вычертили образ юноши, украшенного всеми добродетелями, предписанными стоей, и наделенного очарованием, перед которым никто не в силах устоять, начиная с гордеца Аппия Клавдия и кончая варварами из Нуманции. Среди этих добродетелей искусно вклинено упоминание о тех *αἰδώς καὶ τιμὴ τοῦ ἄρχοντος* «почтении и уважении к властям» (V), которые он проявляет даже по отношению к такой бездарности, как Манцин. Эта *αἰδώς* перед властями отличает его чуть ли не до последнего момента: почтительно внимает он «мужам-консулярам» и идет, повинувшись их совету, для переговоров в сенат. Неужели эти качества возможны в человеке, метящем в тираны и стремящемся к тирании?

Надо признать, что этот косвенный ход против обвинения Тиберия в том, что он стремился стать неограниченным властителем, было одним из самых удачных, которые сделали его апологеты. Нельзя было тоньше опровергнуть укор в тиранических стремлениях, нависших над Тиберием, — тоньше и действеннее. Характеристика Октавия была дана этой версией в тонах самых благожелательных: «серьезный и благонамеренный юноша, друг и товарищ Тиберия» (X), которому судьба, как и Тиберию, даровала в удел «прекрасную природу и разумное воспитание». Она признала аброгацию Октавия «делом незаконным и жестоким», но представила ситуацию так, чтобы смягчить поведение Тиберия, насколько это было возможно. Тиберий делает все, чтобы отклонить Октавия от его намерения: он взывает к его чувству справедливости (XI); предлагает Октавию поставить на голоса сначала свое собственное отрешение (XI); перед началом голосования «опять пытается убедить Октавия» (XII); прервав голосование, умоляет его уступить, и когда, наконец, все кончено и народ кидается на ненавистного трибуна, бросается ему на помощь. Эта версия изобразила историю аграрного закона, проведенного Тиберием, так, чтобы создать впечатление возможно меньшей розни и ущерба, наносимого им оптиматам. Во-первых, Тиберий «составил этот закон не сам, а пользуясь советами граждан, первых по доблести и славе» (IX). Сенатская партия с негодованием отвергла эту традицию: «мятежники обычно ссылаются на славных мужей доброго старого времени, имльзовавшихся народной любовью, чтобы и самим как бы угодиться им... Красс и Спевола, говорят они, написали Тиберию Гракху его законы» (*seditioni cives solent, cum aliquos ex antiquis claros viros proferunt, quos dicant fuisse populares, ut eorum ipsi similes esse*

videantur... Crassum et Scaevolam aiunt T. Graccho auctores legum fuisse (Cic., Acad., II, 5, 18).

Во-вторых, «нельзя было придумать закона более кроткого и мягкого» (IX): за отбираемую землю полагалось уплатить хозяевам ее цену, и только упорство оптиматов заставило Тиберия прибегнуть к более суровой редакции, в которой пункт о денежном возмещении был уничтожен (X). Аппиан, излагающий земельные законы Тиберия с бесподобной ясностью, об этой редакции ничего не знает. Ее следует отнести, по всей видимости, на счет авторов версии В, стремившихся уничтожить причину для главного недовольства Тиберием: он заботился о благосостоянии оптиматов, и они собственным недомыслием разрушили эту заботу.

Любопытно проследить у Плутарха и следы возникающей враждебной Тиберию традиции. Оптиматы должны были, конечно, дать свою историю Тиберия. Отрешение народного трибуна от должности было, конечно, делом неслыханным, но и убийство народного трибуна не извинялось никакими параграфами римской конституции. Оправдание такому беспримерному беззаконию могло быть найдено только в огромности преступления, совершенного или замышленного народным трибуном. Своему преступлению сенатская партия должна была противопоставить преступление, задуманное Гракхом и пресеченное люльми, озабоченными судьбами государства: убийцы Тиберия превращались тогда из преступников в спасителей отечества, а сенат из скопища жадных корыстолюбцев в мудрых блюстителей истинной государственности. Конечно, при построении такой версии следовало исходить не от аграрных законов: упрек в своекорыстии, которым всегда можно было ответить на обвинение, поднятое против этих законов крупными землевладельцами, парировать было трудно, — и характерно, что сенатская версия упоминает об этих законах глухо и вскользь. Аброгация Октавия, имевшая в себе все элементы нарушения основных законов республики, была гораздо выпрышнее как отправной пункт для построения обвинительного акта. Перекинуть мост от этого поступка к подготовке тирании было, при известной настроенности мысли, делом нетрудным. Версия эта создавалась еще при жизни Тиберия, и друзьям его приходилось с ней считаться. Блоссий уговаривает Тиберия идти в народное собрание, несмотря на зловещие приметы, потому что, если он не пойдет, то враги его «сделают этот поступок не предметом издевательства, а прокричат о Тиберии перед народом как о человеке, замыслившем тиранию и уже возгордившемся» (XVII). Плутарх чрезвычайно интересен тем, что он позволяет бросить взгляд на то, как создается и организовывается эта враждебная версия. Тут и ядовитый вопрос Тита Анния, заставляющий предполагать безудержный размах Гракхова самовластия, и укор Метелла в том, что он ходит ночью в сопровождении висельников и голодранцев (XIV), и бесстыдная клевета соседа, утверждавшего, что Тиберий примерял царскую диадему и порфиру, присланные ему царем пергамским. Все это пока отдельные штрихи, которые умелая рука соединит вместе, чтобы воздвигнуть против Тиберия обвинение в стремлении к царской власти.

